

Летними вечерами на вилле у моего соседа звучала музыка. Мужские и женские силуэты вились, точно мотыльки, в синеве его сада, среди приглушенных голосов, шампанского и звезд. Днем, в час прилива, мне было видно, как его гости прыгают в воду с вышки, построенной на его причальном плоту, или загорают на раскаленном песке его пляжа, а две его моторки режут водную гладь пролива Лонг-Айленд, и за ними на пенной волне взлетают аквапланы. По субботам и воскресеньям его «роллс-ройс» превращался в рейсовый автобус и с утра до глубокой ночи возил гостей из города или в город, а его многоместный «форд» к приходу каждого поезда торопливо бежал на станцию, точно желтый проворный жук. А в понедельник восемь слуг, включая специально нанятого второго садовника, брали тряпки, швабры, молотки и садовые ножницы и трудились весь день, удаляя следы вчерашних разрушений.

Каждую пятницу шесть корзин апельсинов и лимонов прибывали от фруктовщика из Нью-Йорка — и каждый понедельник эти же апельсины и лимоны покидали дом с черного хода в виде горы полузасохших корок. На кухне стояла машина, которая за полчаса

выжимала сок из двухсот апельсинов — для этого только нужно было двести раз надавить пальцем кнопку.

Раза два или даже три в месяц на виллу являлась целая армия поставщиков. Привозили несколько сот ярдов брезента и такое количество разноцветных лампочек, будто собирались превратить сад Гэтсби в огромную рождественскую елку. На столах, в сверкающем кольце закусок, выстраивались окорока, нашпигованные специями, салаты, пестрые, как трико арлекина, поросята, запеченные в тесте, жареные индейки, отливающие волшебным блеском золота. В большом холле воздвигалась высокая стойка, даже с медной приступкой, как в настоящем баре, и чего там только не было — и джин, и ликеры, и какие-то старомодные напитки, вышедшие из употребления так давно, что многие молодые гости не знали их даже по названиям.

К семи часам оркестр уже на местах — не какие-нибудь жалкие полдюжины музыкантов, а полный состав: и гобои, и тромбоны, и саксофоны, и альты, и корнет-а-пистоны, и флейты-пикколо, и большие и малые барабаны. Пришли уже с пляжа последние купальщики и переодеваются наверху; вдоль подъездной аллеи по пять в ряд стоят машины гостей из Нью-Йорка, а в залах, в гостиных, на верандах, уже запестревших всеми цветами радуги, можно увидеть головы, стриженные по последней причуде моды, и шали, какие не снились даже кастильским сеньоритам. Бар работает всюду, а по саду там и сям проплывают подносы с коктейлями, наполняя ароматами

воздух, уже звонкий от смеха и болтовни, сплетен, прерванных на полуслове, завязывающихся знакомств, которые через минуту будут забыты, и пылких взаимных приветствий дам, никогда и по имени друг другу не знавших.

Огни тем ярче, чем больше земля отворачивается от солнца; вот уже оркестр заиграл золотистую музыку под коктейли, и оперный хор голосов зазвучал тоном выше. Смех с каждой минутой льется все свободней, все расточительней, готов хлынуть потоком от одного шуточного словца. Кружки гостей то и дело меняются, обрастают новыми пополнениями, не успеет один распасться, как уже собрался другой. Появились уже непоседы из самоуверенных молодых красоток: такая мелькнет то тут, то там среди дам посolidней, на короткий, радостный миг станет центром внимания кружка — и уже спешит дальше, возбужденная успехом, сквозь прилив и отлив лиц, и красок, и голосов, в беспрестанно меняющемся свете.

Но вдруг одна такая цыганская душа, вся в волнах чего-то опалового, для храбрости залпом выпив выхваченный прямо из воздуха коктейль, выбежит на брезентовую площадку и закружится в танце без партнеров. Мгновенная тишина; затем дирижер галантно подлаживается под заданный ею темп, и по толпе бежит уже пущенный кем-то ложный слух, будто это дублерша Гильды Грей из варьете «Фоли». Вечер начался.

В ту субботу, когда я впервые перешагнул порог виллы Гэтсби, я, кажется, был одним из немногих

приглашенных гостей. Туда не ждали приглашения — туда просто приезжали, и все. Садились в машину, ехали на Лонг-Айленд и в конце концов оказывались у Гэтсби. Обычно находился кто-нибудь, кто представлял вновь прибывшего хозяину, и потом каждый вел себя так, как принято себя вести в загородном увеселительном парке. А бывало, что гости приезжали и уезжали, так и не познакомившись с хозяином, — простодушная непосредственность, с которой они пользовались его гостеприимством, сама по себе служила входным билетом.

Но я был приглашен по всей форме. Ранним утром передо мной предстал шофер в ливрее цвета яйца малиновки и вручил мне послание, удивившее меня своей церемонностью; в нем говорилось, что мистер Гэтсби почтет для себя величайшей честью, если я нынче пожалую к нему «на небольшую вечеринку». Он неоднократно видел меня издали и давно собирался нанести мне визит, но досадное стечение обстоятельств помешало ему осуществить это намерение. И подпись:

Джей Гэтсби,
с внушительным росчерком.

В начале восьмого, одетый в белый фланелевый костюм, я вступил на территорию Гэтсби и сразу же почувствовал себя довольно неуютно среди множества незнакомых людей; правда, в водовороте, бурлившем на газонах и дорожках, я различал порой лица, не раз

виденные в пригородном поезде. Меня сразу поразило большое число молодых англичан, вкрапленных в толпу; все они были безукоризненно одеты, у всех был немножко голодный вид, и все сосредоточенно и негромко убеждали в чем-то солидных, излучающих благополучие американцев. Я тут же решил, что они что-то продают — ценные бумаги, или страховые полисы, или автомобили. Как видно, близость больших и легких денег болезненно дразнила их аппетит, создавая уверенность, что стоит сказать нужное слово нужным тоном — и эти деньги уже у них в кармане.

Придя на виллу, я прежде всего попытался разыскать хозяина, но первые же два-три человека, которых я спросил, не знают ли они, где его можно найти, посмотрели на меня так удивленно и с таким пылом поспешили убедить меня в своей полной неосведомленности на этот счет, что я уныло поплелся к столу с коктейлями — единственному месту в саду, где одинокому гостю можно было приткнуться без риска выглядеть очень уж бесприютным и жалким.

Вероятно, я бы напился вдребезги просто от смущения, но тут я увидел Джордан Бейкер. Она вышла из дома и остановилась на верхней ступеньке мраморной лестницы, слегка отклонив назад корпус и с презрительным любопытством поглядывая вниз.

Я не знал, обрадуется она мне или нет, но мне до зарезу нужно было за кого-то ухватиться, пока я еще не начал приставать к посторонним с душевными разговорами.

— Здравствуйте! — завопил я, бросившись к лестнице. Мой голос неестественно и громко раскатился по всему саду.

— Я так и думала, что встречу вас здесь, — небрежно заметила Джордан, когда я поднимался по мраморным ступеням. — Вы ведь говорили, что живете рядом с...

Она слегка придержала мою руку в знак того, что займется мною чуть погодя, а сама вопросительно повернулась к двум девицам в совершенно одинаковых желтых платьях, остановившимся у подножия лестницы.

— Здравствуйте! — воскликнули девицы дуэтом. — Как обидно, что победили не вы!

Речь шла о состязаниях в гольф. На прошлой неделе Джордан проиграла финальную встречу.

— Вы нас не узнаете, — сказала одна из желтых девиц, — а мы здесь же и познакомились, с месяц назад.

— У вас тогда волосы были другого цвета, — возразила Джордан.

Я так и подскочил, но девицы уже прошли мимо, и ее замечание могла принять на свой счет только скороспелая луна, доставленная, должно быть, в корзине вместе с закусками. Продев свою руку под тонкую золотистую руку Джордан, я свел ее с лестницы, и мы пошли бродить по саду. Из сумрака выплыл навстречу поднос с коктейлями, и мы, взяв по бокалу, присели к столику, где уже расположились желтые

девицы и трое мужчин, каждый из которых был нам представлен как мистер Брмр.

— Вы часто бываете здесь? — спросила Джордан у ближайшей девицы.

— Последний раз вот тогда, когда познакомилась с вами, — бойко отрапортовала та. — И ты, кажется, тоже, Люсиль? — обратилась она к своей подруге.

Выяснилось, что и Люсиль тоже.

— А мне здесь нравится, — сказала Люсиль. — Я вообще живу не раздумывая, поэтому мне всегда весело. В тот раз я зацепилась за стул и порвала платье. Он спросил мою фамилию и адрес — и через три дня мне приносят коробку от Круарье, а в коробке новое вечернее платье.

— И вы приняли? — спросила Джордан.

— Конечно, приняла. Я даже думала его сегодня надеть, но нужна небольшая переделка: в груди широковато. Цвета лаванды, с вышивкой светло-лиловым бисером. Двести шестьдесят пять долларов.

— Все-таки обыкновенный человек так поступать не станет, — с апломбом сказала первая девица. — Видно, что он старается избегать неприятностей с кем бы то ни было.

— Кто — он? — спросил я.

— Гэтсби. Мне говорили...

Обе девицы и Джордан заговорщически сдвинули головы.

— Мне говорили, будто он когда-то убил человека.

Мороз побежал у нас по коже. Три мистера Брмр вытянули шеи, жадно вслушиваясь.

— А по-моему, вовсе не в этом дело, — скептически возразила Люсиль. — Скорее в том, что во время войны он был немецким шпионом.

Один из мужчин энергично закивал в подтверждение.

— Я сам слышал об этом от человека, который знает его как родного брата. Вместе с ним вырос в Германии, — поспешил он нас заверить.

— Ну как же это может быть? — сказала первая девица. — Ведь во время войны он служил в американской армии. — И наше доверие опять перемертвело к ней, а она торжествующе продолжала: — Вы обратите внимание, какое у него бывает лицо, когда он думает, что его никто не видит. Можете не сомневаться: он убийца.

Она зажмурила глаза и поежилась. Люсиль поежилась тоже. Мы все стали оглядываться, ища глазами Гэтсби. Должно быть, и в самом деле было что-то романтическое в этом человеке, если слухи, ходившие о нем, повторяли шепотом даже те, кто мало о чем на свете считал нужным говорить, понизив голос.

Стали подавать первый ужин — после полуночи предстоял второй, — и Джордан пригласила меня присоединиться к ее компании, облюбовавшей стол в другом конце сада. Компанию составляли две супружеские пары и кавалер Джордан, студент из породы вечных, изъяснявшийся многозначительными намеками и явно

убежденный, что рано или поздно Джордан предоставит свою особу в более или менее полное его распоряжение. Вместо того чтобы по приезде разбредись кто куда, они держались горделиво замкнутым кружком, взяв на себя миссию представлять здесь положительную, аристократическую часть местного общества. То был Ист-Эгг, снизошедший до Уэст-Эгга и бдительно обorongяющийся от его калейдоскопического веселья.

— Уйдем отсюда, — шепнула мне Джордан, когда прошли полчаса, показавшиеся томительными и ненужными. — Мне уже не вмогуту от этих церемоний.

Мы оба встали из-за стола; мы хотим поискать хозяина дома, объяснила Джордан: мне неловко, что я ему до сих пор не представлен. Студент кивнул со снисходительной, меланхолической усмешкой.

В баре, куда мы заглянули прежде всего, было людно и шумно, но Гэтсби там не оказалось. Джордан взошла на крыльцо и оттуда оглядела сад, но его нигде не было видно. Не найдя его и на боковой веранде, мы наугад толкнули внушительного вида дверь и очутились в библиотеке — комнате с высокими готическими сводами и панелями резного дуба на английский манер, должно быть, перевезенной целиком из какого-нибудь разоренного родового гнезда за океаном.

Пожилый толстяк в огромных выпуклых очках, делавших его похожим на филина, сидел на краю стола, явно в подпитии, задумчиво созерцая полки с книгами. Когда мы вошли, он стремительно повернулся и оглядел Джордан с головы до ног.

— Как вам это нравится? — порывисто спросил он.

— Что именно?

Он указал рукой на книжные полки.

— Вот это. Проверять не трудитесь. Уже проверено. Все — настоящие.

— Книги?

Он кивнул головой.

— Никакого обмана. Переплет, страницы, все как полагается. Я был уверен, что тут одни корешки, а оказывается — они настоящие. Переплет, страницы... Да вот, посмотрите сами!

Убежденный в нашей недоверии, он подбежал к полке, выхватил одну книгу и протянул нам. Это был первый том «Лекций» Стоддарда.

— Видали? — торжествующе воскликнул он. — Обыкновенное печатное издание, без всяких подделок. На этом я и попался. Этот тип — второй Беласко. Разве не шедевр? Какая продуманность! Какой реализм! И заметьте — знал, когда остановиться, — страницы не разрезаны. Но чего вы хотите? Чего тут можно ждать?

Он вырвал книгу у меня из рук и поспешно вставил на место, бормоча, что, если один кирпич вынут, может обвалиться все здание.

— Вас кто привел? — спросил он. — А может, вы пришли сами? Меня привели. Тут почти всех приводят.

Джордан метнула на него короткий веселый взгляд, но не ответила.

— Меня привела дама по фамилии Рузвельт, — продолжал он. — Миссис Клод Рузвельт. Не слышали? Где-то я с ней вчера познакомился. Я, знаете, уже вторую неделю пьян, вот и решил посидеть в библиотеке, — может, думаю, скорее протрезвлюсь.

— Ну и как, помогло?

— Кажется — немножко. Пока еще трудно сказать. Я здесь всего час. Да, я вам не говорил про книги? Представьте себе, они настоящие. Они...

— Вы нам говорили.

Мы с чувством пожали ему руку и снова вышли в сад.

На брезенте, натянутом поверх газона, уже начались танцы: старички двигали перед собой пятившихся молодых девиц, выписывая бесконечные неуклюжие петли; по краям топтались самодовольные пары, сплетаясь в причудливом модном изгибе тел, — и очень много девушек танцевало в одиночку, каждая на свой лад, а то вдруг давали минутную передышку музыканту, игравшему на банджо или на кастаньетах. К полуночи веселье было в полном разгаре. Уже знаменитый тенор спел итальянскую арию, а прославленное контральто — джазовую песенку, а в перерывах между номерами гости развлекались сами, изощряясь, кто как мог, и к летнему небу летели всплески пустого, беспечного смеха. Эстрадная пара близнецов — это оказались наши желтые девицы — исполнила в костюмах сценку из детской жизни; лакеи между тем разносили шампанское в бокалах с полоскательницу величиной. Луна уже

поднялась высоко, и на воде пролива лежал треугольник из серебряных чешуек, чуть-чуть подрагивая в такт сухому металлическому треньканью банджо в саду.

Мы с Джордан Бейкер по-прежнему были вместе. За нашим столиком сидели еще двое: мужчина примерно моих лет и шумливая маленькая девушка, от каждого пустяка готовая хохотать до упаду. Мне теперь тоже было легко и весело. Я выпил две полоскательницы шампанского, и все, что я видел перед собой, казалось мне исполненным глубокого, первоначального смысла.

Во время короткого затишья мужчина вдруг посмотрел на меня и улыбнулся:

— Мне ваше лицо знакомо, — сказал он приветливо. — Вы, случайно, не в третьей дивизии служили во время войны?

— Ну как же, конечно. В девятом пулеметном батальоне.

— А я — в седьмом пехотном полку, вплоть до мобилизации в июне тысяча девятьсот восемнадцатого года. Недаром у меня все время такое чувство, будто мы уже где-то встречались.

Мы немного повспоминали серые, мокрые от дождя французские деревушки. Потом он сказал, что недавно купил гидроплан и собирается испытать его завтра утром — из чего я заключил, что он живет где-то по соседству.

— Может быть, составите мне компанию, старина? Покатаемся по проливу вдоль берега?

— А в какое время?

— В любое, когда вам удобно.

Я уже открыл рот, чтобы осведомиться о его фамилии, но тут Джордан оглянулась на меня и спросила с улыбкой:

— Ну как, перестали хандрить?

— Почти перестал, спасибо. — Я снова повернулся к своему новому знакомцу: — Никак не привыкну к положению гостя, не знакомого с хозяином. Ведь я этого Гэтсби в глаза не видел. Просто я живу тут рядом, — я махнул рукой в сторону невидимой изгороди, — и он прислал мне с шофером приглашение.

Я заметил, что мой собеседник смотрит на меня как-то растерянно.

— Так ведь это я — Гэтсби, — сказал он вдруг.

— Что?! — воскликнул я. — Ох, извините, ради бога!

— Я думал, вы знаете, старина. Плохой, видно, из меня хозяин.

Он улыбнулся мне ласково — нет, гораздо больше, чем ласково. Такую улыбку, полную неиссякаемой ободряющей силы, удастся встретить четыре, ну — пять раз в жизни. Какое-то мгновение она, кажется, вбирает в себя всю полноту внешнего мира, потом, словно повинувшись неотвратимому выбору, сосредоточивается на вас. И вы чувствуете, что вас понимают ровно настолько, насколько вам угодно быть понятым, верят в вас в той мере, в какой вы в себя верите сами, и безусловно видят вас именно таким,

каким вы больше всего хотели бы казаться. Но тут улыбка исчезла — и передо мною был просто расфранченный хлыщ, лет тридцати с небольшим, отличающийся почти смехотворным пристрастием к изысканным оборотам речи. Это пристрастие, это старание тщательно подбирать слова в разговоре я заметил в нем еще до того, как узнал, кто он такой.

Почти в ту же минуту прибежал слуга и доложил, что мистера Гэтсби вызывает Чикаго. Тот встал и извинился с легким поклоном, обращенным к каждому из нас понемногу.

— Вы тут, пожалуйста, не стесняйтесь, старина, — обратился он ко мне. — Захочется чего-нибудь — только велите лакею. А я скоро вернусь. Прошу прощения.

Как только он отошел, я повернулся к Джордан: мне не терпелось высказать ей свое изумление. Почему-то я представлял себе мистера Гэтсби солидным мужчиной в летах, с брюшком и румяной физиономией.

— Кто он вообще такой? — спросил я. — Вы знаете?

— Некто по фамилии Гэтсби, вот и все.

— Но откуда он родом? Чем занимается?

— Ну вот, теперь и вы туда же, — протянула Джордан с ленивой усмешкой. — Могу сказать одно: он мне как-то говорил, что учился в Оксфорде.

В глубине картины начал смутно вырисовываться какой-то фон; но следующее замечание Джордан снова все смешало.

— Впрочем, я этому не верю.

— Почему?

— Сама не знаю, — решительно сказала она. — Просто мне кажется, что никогда он в Оксфорде не был.

Что-то в ее тоне напоминало слова желтой девицы: «Мне кажется, что он убийца», — и это лишь подстрекнуло мое любопытство. Пусть бы мне сказали, что Гэтсби — выходец с луизианских болот или из самых нищенских кварталов нью-йоркского Ист-Сайда, я бы не удивился и не задумался. В этом не было ничего невероятного. Но чтобы молодые люди выскакивали просто ниоткуда и покупали себе дворцы на берегу пролива Лонг-Айленд — так не бывает; по крайней мере, я, неискушенный провинциал, считал, что так не бывает.

— Во всяком случае, у него всегда собирается много народу, — сказала Джордан, уходя от разговора с чисто городской нелюбовью к конкретности. — А мне нравятся многолюдные сборища. На них как-то уютнее. В небольшой компании никогда не чувствуешь себя свободно.

В оркестре бухнул большой барабан, и дирижер вдруг звонко выкрикнул, перекрывая многоголосый гомон:

— Леди и джентльмены! По просьбе мистера Гэтсби мы сейчас сыграем вам новую вещь Владимира Тостова, которая в мае произвела такое большое впечатление в Карнеги-холле. Читатели газет, вероятно, помнят, что это была настоящая сенсация. — Он улыбнулся снисходительно-весело и добавил: — Фу-рор!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

